

Их силуэты впопыхах

Я никогда не задумывался о тенях. Важно ли или возможно ли, что о тенях задумывались вы? Синие тени бесконечны, они хранят в себе мрачные тайны и приоткрывают нам тайные ходы и лазейки в иные измерения непознанных пластов измерений.

Однажды, ярким июньским утром я сидел на своей веранде в тропической оранжерее, подтягивался чашечку за чашечкой отборный колумбийский кофе. Внезапно, какой-то голос, звучащий, точно бы из глухой бочки, окликнул меня. Взгляд почти мгновенно упал на стену, которая принялась извиваться отражением собственной тени на поверхности вазы, изгибаясь в подобии агонии орхидей, словно всепоглощающий солнечный свет доставлял теням стен, неминуемый и неприменный дискомфорт. Я подошел к стене, взял горячий уют, и принялся сосредоточенно разглаживать отражения, бьющиеся вырывающимися на свободу из плена ладоней мотыльками.

На внутренних границах времени, переходящего в пламя, заплясали мерцающие зайчики огневых узоров, точно отбрасываемых сиянием зажигалки. Трепетный язычок времени слишком уж стремился выйти за грань, вырываясь волнующим колыханием из паутинчатых веточек моих когтистых пальцев, он бился, словно шаль, моль или карликовая полиэтиленовая плёнка пакета, на сильном попутном ветре начинающая напоминать своим шуршанием рассыпчатый и сухой напудренный пыльным тальком парик аристократа.

Когда я удосуживался нагнуться и заглянуть вовнутрь центра извивающихся силуэтов синих теней, то понимал, что это именно Они ко мне пришли, но стоило вытащить голову из пучин тени, как знание о Них становилось каким-то смутным, чуть тревожным и бередящим душу чувством, едва ли поддающимся возможности описания. Но как только я снова решал погрузиться в трепетную тень, движимый и подталкиваемый беспокойным торопливым и чуть детским любопытством почемучек, то вновь и вновь видел Их столь же чётко и ясно, как вы видите перед собой собственные руки. Они не были кем-то или чем-то. Кроме того, Они вовсе даже не нуждались в том, чтобы приходить и уходить, просто Их проявления были не менее неприменными в циклической природе Земли, как приливы и отливы или смена времен года и суток.

Контурами силуэтов начали пропитываться материалы окружающий меня материи, нога увязла в какой-то липкой, похожей на бесцветный

крем для обуви и жидкий парафин, холодной субстанции, но лишь ощущавшейся как нечто ледяное на ощупь. Неожиданно силуэты Их приняли меня, реальность уползла вверх, методично и планомерно расщепляясь на взрывные мириады мелких разноцветных осколков землянистого, а быть может, и земляничного, как мыло, остро-стекольного фейерверка. Над головой оказался повисший словно в абсолютной пустоте пол, тогда как по окружности меня окружал лабиринт из старинного дерева и ароматного пуха.

Впрочем, пустота вовсе не была абсолютной. Относительно этой пустоты лабиринт казался созданным из пропитанных высококачественной морилкой рядов старинной дубовой мебели века восемнадцатого или девятнадцатого. Отнюдь, как раз напротив, в пустоте лабиринта бурлили красочные метаморфозы развивающегося и разрастающийся космоса, распластанного во времени по слоям, как многоуровневый бисквит с джемом из персика или айвы. В кромешной тьме, счастливо сознавая своё мимолётное естество существования, проносились метеоры и испускавшие всепронизывающие гамма-лучи недавно образовавшиеся сверхновые, которым чужды глупые дни тоски человеческой. Космос бурлил, как котелок гречневой каши. Вспышки, постоянно возникающие и разрастающиеся в кромешной темноте, как пышки в духовке, будили в воображении самые необычайные картины, будучи в своей внутренней и внешней сути намного совершенней и эстетичней любых представлений или мыслей людских.

Пушистый ароматный мех лабиринта древних деревянных стен порождал прямо передо мной всепровозглашающее тело змея Лютафорца, за хвост которого я успешно и зацепился, желая обнаружить выход из полусмирного летающего сияния Их теней, придав сознанию подходящее направление, а от него не уйти в другой режим разума к сверхразуму, а от восприятия к сверхвосприятию и от осознанности к сверхосознанности. Тени и Их силуэты, как звери, постоянно милые и синие, в этом и заключается их первозданный живой настрой. Сверхразум постоянно должен следить сам за собой, а оттого может быть лишён эмоций на крайнем достижении цели такого, на деле же он исполнен тех контролируемых эмоций, что разумом повседневности не осознаются, вот посему-то сверхразум стороннему наблюдателю может показаться безэмоциональным, тогда как эмоции в нём не названы, не открыты, недоступны и отстаются по-прежнему непонятными для разума повседневности, может быть, в разы больше, чем просто каждая категория способа отражать Вселенную, которую мы привычными путями друг с другом

согласились называть и конструировать, а потому воспринимать просто разумом повседневной логики и рациональности.

Стоящий где-то между категориями человек разрешил бы проблему неравновесности как вовне, так же сверху над нами и куда-то вовнутрь, вглубь. Змей Лютафорц дико заворачивал по сторонам, скручиваясь кольцами восстающих из него повсюду топорщащихся пальцев-змеек, то вдруг превращался в поблёскивающий цитоплазмой, похожий в своём оборотничестве существа на серовато-цилиндрическую торпеду, покрашенную износостойчивой и термостойкой краской-серебрянкой. Но цель будущности силуэтов была достигнута, и вот уж я шёл босиком по оранжевому полю приторно зелёного блеска на изгибах пригибаемых ветром злаков. Зелёным же, точно выточенным из змеевика, был и купол неба над головой, испещрённый черными крапинками белого шума, прорывающегося сквозь дискретные всполохи, слепящие пугающей внезапностью.

Меня встретил трехглазый крестьянин, поспешно и смешно выкарабкавшийся из голубого ящика, торчащего одиноким входом в бомбоубежище подземного города посреди пашни чуточку зашкаливающих оттенков живого, как йогуртовые бактерии, цитрусowego пламени. Крестьянин сказал мне: “Вижу, что ты пришёл издалека. Вижу также, что ты не из здешних мест. Чтобы знать подобное настроение теневых мощностей поля, где мы сеем, жнём и живём, все мы используем матрешечную луковицу, носимую шляпой на макушке головы. Она, всенепременно, базовая в наших плодородных землях, а оттого показывает подходящие нам правила существования, первичные и привычные общественно-личные права и дела Гоэлиин Злад, стороны родимой страны всего во всём, разместившейся на оранжевых песках под изумрудным небом в точку, где пребываешь сейчас.

Трёхглазый пахарь поставил свою матрешечную шляпу-луковицу передо мной прямо на землю, уронив, будто бы случайно - а на самом деле специально, с собственной макушки так, чтобы шляпа даже не заподозрила искусный крестьянский обман. Луковичная матрешка тут же принялась ползти по вершинам комьев земли и разрастаться, словно бы пламя Их теней, пожирающее лист бумаги. Последовал изоморфный взрыв аннигиляции материи, состыковавшейся с аниматерией, кракеном выползшей из глубинных слоёв луковичного головного убора. Я только что был там, но вот уж наблюдал взрыв ночными зарницами у кромки горизонта, перенесясь выталкивающим изгибом пространства за пределы доступности ударной волны аннигиляции.

Когда я с разбега прыгнул в каменоломню образовавшегося от крестьянской поляны кратера, Их силуэты впопыхах благословили меня смазывающими волнами благодарности, как облизывающие нос цуцки, будящие хозяев ранним росисто-освежающим утром. Вокруг вдруг стало заново просто чудно пыльно.

Сильный запах горячего чуть пригорелого мясистого дерева царил, как после выпекания древесного пирога из опилок. Синие тени кутали меня, согревая, в кители или шинели, они вихляли, обволакива мне ноги ветром чёрных чуть багряных лент, взывали вверх, взвивались и завивались кругами затмений, через которые едва пробивался солнечный свет, тени меняли меня, тянули меня дальше, не оставляя даже шанса пробраться тонам волевых усилий или даже элементарно прижаться где-нибудь за скалами хотя бы течение минуты.

Мир иной, куда я неожиданно попал из оранжево-зелёных переливов пахотных угодий Гоэлиин Злад, именовался Эвнарсд Злад и был сплошь деревянным, ведь, подстраиваясь под характерные свойства окружающей среды, даже у меня в волосах от действия местного климата постепенно начала расти солома. Их экспедиционные трясущиеся руки и ноги теней силуэтов насквозь были пропитаны малиновым маслом и подсолнечным молоком, но в своих маслянистых утехах теней Их силуэты всегда были ненасытны, безутешны и безропотны.

Когда я увидел, что всё в этом мире было только из дерева, дома, продукты, даже свет деревянный, вода, ярко-зеленое небо Эвнарсда, точно открытое солями меди, то подошёл к одному из жителей и щёлкнул по его груди лёгкими и ветвистыми костяшками пальцев. Раздался глухой деревянный стук с треском и гулом, похожий на уханье совы где-то глубоко в телесных полостях жителя. “Наверное, в них уже поселились и живут совы”, - подумал я тогда.

По закону Эвнарсда Злад всё человечество из мяса, когда бы то ни было оно встречено, видимое и цельное или в разобранно-разрозненной форме, признавалось виновным без поручителя собственных мнений. Тишайшие колонии существ, живущих здесь испокон веков, исполняли роль единственной категории мерил в подпространстве невыразимых возможностей. Они были также разновидностью теней Их силуэтов и в то же время компонентой реальностного взаимосвязанного единения, предоставляющей услуги как правительства, так и жителей, а единственным способом их личного выражения в совмещениях было обращаться друг к другу в одиночку, лишь затем задумываясь о том, что все они были единым колониальным организмом теней, на миг

забывшем или изобразившим забвение вечного факта своей взаимопроникновенности и комплексной транссоединённости, вступая в облака всей колонии своими поскрипывающими мягкими шажками так, как ходят кошечки и, как если бы эти кошечки, обращаясь тенями Их силуэтов, действительно были раздельными.

Мой инстинкт мясной, а не деревянной жизни, повсеместный для людей повседневности, показался теням кошмарным безобразием, внушающем ужасы в деревья Их силуэтов. Как известно, любые правила есть всегда лишь мерил для руководства и управления в здешних краях. Да и не в здешних - тоже. Здесь каждый ужасный бюрократ из числа нижайших является древораспределителем, тогда как верховные тени организуют в стране распорядок дня, характерный и обязательный к исполнению для всех и каждого, кто ещё способен был оставаться силуэтом древесной тени, не теряя при этом своих пней и не забывая корней.

Нижайший, встреченный мною на оранжевом поле мира Гоэлиин Злад со своею луковичной матрешкой, поведал мне ещё до образования кратера историю деревянного мира. Изначально это была единая цепь на двоих. Мир был сцеплен со сплетёным из бесплотного поля пространством. Постепенно это поле, образованное посредством теней, развоплощённых в юные формы, едва лишь зародившиеся виды разнородной материи, оказалось согласовано с полем чужих бесплотных переплетений. Но хозяева этого мира не хотят оформлять разные пакеты документов, описывающих неравенство ленивых членов партии теней в переплетениях цепи двоих, поскольку расходы на оформление бумаг в два раза превышают действительную необходимость в этих расходах.

Идеальным возможным пунктом, долговечно рассказывающим мир во всех мельчайших деталях и не таким уж дорогим было бы превращение модифицированных форм полевой материи через силуэты Их теней в всё дерево Эвнарда, разбуженное кем-то из переплетений цепи двоих. Оно, будучи хитросплетённой косой, теперь никогда не находилось здесь и сейчас, а его появление вызвало только временной парадокс, а поэтому именно дерево Эвнарда было избрано в качестве идеального строительного материала для реальности теней Их силуэтов впопыхах, ведь это дерево невозможно было получить, добравшись до него непосредственно, ибо оно всегда была очень далеко, находясь как-то особняком только на горизонте доступности для Их теней, но зато его можно было телепортировать форме готовых досок на любое время, расстояние и в любом возрасте устаревания древесного

материала. Правда, при этом часть очень Им нужных пеньков уходила на разжигание телепортационной печки, работающей исключительно на целевых телепортируемых материалах.

Деревом жители этого мира решили соединить двигательные-колебательные эманации, они заменили канатный трос проволоки, изрядно и обильно намаженной машинным маслом теневого структур реальности, а разнородную материю починили единообразным деревом, сотканным из досок того самого телепортированного печкой из мира Гоэлиин Злад первостроительного материала всего для силуэтов Их теней в Эвнарде. А когда каждое существо нашлось теперь элементом или даже подобием элементарной частицы в колонии элемента разума синих теней, перешедшего в целях сохранения вида в древесную форму существования, то закрепило за собой локусы достижения отхода в старую форму на случай разрушения древесной оболочки контуров тени себя.

Я, громогласно вибрируя и явственно со стороны производя неоднозначное впечатление, громом или звоном шипения провозгласил стремление к призыву заклятия древесного воссоединения всех колоний Их синих теней. Правда, при этом чашевые чары древесных красок стали заменителями вежливой живости теневого контуров, заслонивших даже самые дубовые, квёлые свекольные либо рисовые сердца теней. Последующие три недели прошли под знаком моей работы, заключающейся в распиливание многих тысяч добровольно эмансипированных существ из кристаллов и из дерева, так что теперь милым их душам событию было бы проще стать напоминанием всем нам о никогда великом единении во древе. Последнюю половину древесного тела я просто не вернул, чтобы окончательно не задеревенеть самому - пусть это явление перехода между мирами навсегда останется лучшей прерогативой теней. Надо было бежать, пока ещё не поздно.

Не сказал бы, что это стало для меня хорошей идеей - плыть по дереву, однако же, позвольте вам доложить, что плохой идеей это тоже не было. На братские вспышки света я отвечал протираем глазами кулачками рук. На третьи сутки путешествия по деревянной реке меня окончательно засосало вовнутрь дерева, где я через судорожный обряд инициации Их силуэтов впопыхах обрёл контуры Их теней, приравнявшись к дереву мира, созданного из мира дерева, но не будучи им на самом деле. А это и было тем, чего я добивался - обмануть тени так, чтобы они принимали меня за своего, но не превратиться в тень окончательно.

Что же касается самого процесса посвящения в синие тени Их силуэтов, то собрать тот распластаный пузырь при вхождении возвратным бумерангом в деревянный смерч Их ног оказалось ох как сложновато. Я соединял валюты в категориях опилок из Эвнарсада Злад, содержащие ценные крупы, словно бы собирал только свой собственный мир, только лишь потворствуя теням, устраивая показ прозрачной письменности живописных облачных замков из песка, а точнее, всего того что от них в конечном счёте оставалось. Я обрывал по кусочкам то от пластиковой тыква, экспонированной мне тенями в качестве проверки на сообразительность, то от собственных штанов, и смотрел насколько медленно или же, наоборот, насколько быстро обретается результат, точно бы выстраиваясь саам по себе, а на деле - создаваемый законами простарнства теней, столь же неизбежных, как сила тяготения, свет или температура в моей родной проекции, столь отличной как от Гоэлиин, так и от Эвнарсада.

Появлялись в результате проводимых мною опытов всё новые и новые существа и строения, зарождались и развивались планеты и звезды, а землетрясения болтали в воздухе колбы и пробирки с растворами Их синих теней. За моей спиной стремительным чёрным туманом разрастались линии самых невообразимых, а зачастую, даже уродливых форм с точки зрения человека. Я вышел из дерева, отсекая их силуэты впопыхах, а из силуэтов вылезали сущности теперь уже новой зарождающейся проекции, придуманной мною в процессе посвящения в тени.

И так же, как я не был окончательно человеком или Их силуэтом, обманув синие тени, так и новый мир был химерой, полученной от скрещения двух ликом Зладов, и это двуликое пространство отныне становилась новым вместилищем, высококачественно расширенным домом и свежеиспечённым обиталищем для старых теней в множественных вариативных проекциях, где всё возможно и ничто однозначно не определено, не описано, неопишимо и невыразимо в принципе. По крайней мере для людей, не знаю, как уж для невозможных разумов Их. Там всё обустроено по моему усмотрению, а точнее - по внутреннему ощущению, этот мир мне теперь полностью гармоничен.

Я тогда принял решение поэтапно включать и отключать в проекциях функции, складывающие их свойства в стабильных тех или иных позициях целостностей, выбирая уже почти божеством своего нового мира наиболее комфортные для меня законы получающихся реальностей, став, наконец-то, абсолютно очевидным представителем

правлящего класса Их силуэтов в царстве синих теней и контуров дерева из объединённых возможностей Гоэлиин и Эвнарда.

Отныне и до нового объединения, возможно, уже не под эгидой дерева и не в форме силуэтов их синих теней, мы все - обитатели Эвлиинда. Даже змей Лютафорц. Хоть и пустяк - но пусть будет так.

*Белусов Роман,
15 апреля 2012 года*